229

Александр Кравченко

Слово о полку Игореве

/ объяснительный перевод слова "зегзица"/

Ученый-биолог Г.В. Сумаруков писал: " Ярославнынъ голосъ слышить, зегзицею незнаема рано кычеть: " Полечю, - рече, - зегзицею по Дунаеви...", - так начинается знаменитый плач Ярославны. Ярославна выступает в виде некой птицы - зегзицы. Биологический вид этой птицы не ясен. Одни исследователи в зегзице видят кукушку, одинокую, тоскующую. Другие же возражают против кукушки, вполне справедливо считая, что кукушка не летает "по Дунаеви", т.е. над рекой; взамен кукушки они предлагают чайку, но такая замена недостаточно обоснована: чайки не живут обособленно, они образуют шумные колонии и поэтому для олицетворения печального одиночества непригодны. Поскольку биологический вид зегзицы еще не установлен, то невозможно и оценить, правильно ли в поэме применен этот образ.[1]"

В.Л. Виноградова в словаре-справочнике " Слова о полку Игореве" приводит несколько примеров употребления слов, сходных по написанию со словом зегзица, а именно: Зогзица. " Уподоблюся зогзицы, иже едину поетъ пѣснь, того ради ненавидима бываеть. Посл. Дан. Заточ. / вт.перед. 107 / ХУ11в Х111в./,

Уже, брате, пастуси не кличють, ни Губы не трубять, только часто ворони грають, зогзицы кукують на трупы падаючи. Задон. К-Б. 550 / ХУ в. Х1Ув./

ср. Зегула, зогзуля. Зогзуля в чюжа гнѣзда яиця своя мечеть. Мер. правед., 63 / Х1У в./

Есть убо ина птица, нарицаема зегула, есть убо птица ..сн-рава суща, егда убо народить яица, то инѣхъ птиць /въ гнѣзда/ яица своя наносить изъ гнѣзда, сама же своему гнѣзду не хранитель есть, но инымь птицамь отроди своя премѣтаеть. Палея / Х1Ув. 12/

ср. Зозуля. Як зачула тее мати /стала плакати, рыдати:/ " Сг

сыне мой Иване, /Дитя мое кохане!/ Ой коли-б же я зозуля, / Я-Б до тебе полинула/. Максим. Нар. укр. песни, 1.139." [2]

Орфографически оно, может, и верно, переводя слово зегзица, как кукушка, если бы этим словом не была названа Ярославна, чей прекрасный образ до сих пор волнует сердца и приводит в смятение души ценителей "Слова о полку Игореве". Не ошибаясь, можно сказать, что если " Слово о полку Игореве " гениальное произведение, то плач Ярославны - это жемчужина, которая украшает его, и делает еще более изысканным и прекрасным.

Очень высоко оценил плач Ярославны А.С. Пушкин. Когда кое-кто из скептиков засомневался в подлинности "Слова о полку Игореве", он писал: - "Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта ? Карамзин ? Но Карамзин не поэт. Державин ? Но Державин не знал и русского языка, не только языка Песни о полку Игореве. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства". [3]

И вдруг кукушка. Даже из приведенных в словаре-справочнике В.Л. Виноградовой примеров видно, что, как и сейчас, так и несколько веков назад, как птица, кукушка вызывала отрицательные эмоции. В одном случае ее ненавидят, в другом случае она садится на труп, в третьем названа зловредной, и даже приведенный отрывок из украинской народной песни показывает, что мать, убитая горем, как кукушка полетела бы к трупу своего сына.

В " Слове о полку Игореве", князь Игорь живой и Ярославна хочет полететь по Дунаю к любимому, но с целью: " утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ". [4] Можно, конечно, возразить, мол, и на мертвом теле можно омывать раны, но давайте не забывать, что автор "Слова о полку Игореве", когда писал свою песню прекрасно знал, что князь Игорь остался жив и был только ранен. Да и в плаче

Ярославны, чуть ниже, дается строка, из которой понятно, что князь Игорь остался жив и Ярославна знала об этом: " Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли мосады до плъку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а бых̂ъ неслала къ нему слезъ на море рано". 5

Так что приведенная в словаре-справочнике В.Л.Виноградовой украинская народная песня не может служить основанием для того, чтобы называть Ярославну кукушкой.

А если мы вспомним, что и сейчас, брошенных матерью детей, называют "кукушкины дети", то у образа тоскующей Ярославны, как-то подсознательно появляется такая ущербность, что даже заставляет засомневаться в таланте автора "Слова о полку Игореве".

И даже приведенные в 6 томе словаря-справочника В.Л. Виноградовой сравнения, встречаемые в народной речи: "загоза / Новг./, загозочка /Смол./, загозка / р. Свирь/, загоска /Пск.Олон./, загонька /Пск.Новг./, загочка, загоженька / Олон./, загошпа, зогза /Волог./,... в современных воронежских говорах бытует зегзица в значении "иволга" ... на границе с Белоруссией: зазуля, зазюля, зезуля, зезюля, зозуля, зузуля, зюзюля, зезюлик... Все эти слова обозначают кукушку. 6, не могут сгладить то отрицательное влияние на образ Ярославны, когда слово зегзица переводится, как кукушка.

Так что у нас имеются все основания поставить под сомнение правильность перевода слова зегзица и попробовать дать иное толкование.

Первые издатели "Слова о полку Игоря" перевели его, как горлица:

Ярославнинъ голосъ
слышится; она, какъ ос-
тавленная горлица, по ут-
рамъ воркуетъ: "полечу
"я, говоритъ, горлицею

"по Дунаю, омочу боб-
"ровой рукавъ въ рѣкѣ Кая-
"лѣ, оботру Князю крова-
"выя раны на твердомъ его
"тѣлѣ". 7

Не будем гадать, знали они, или нет, схожесть перевода зегзицы с кукушкой, но перевели они его, как горлица.

Для сравнения возьмем еще несколько переводов и переложений. В переложении В.Жуковского зегзица уже чечетка:

"Голос Ярославнин слышится, на заре
одинокой чечеткою кличет:
"Полечу,- говорит, - чечеткою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его". 8

Конечно, между 1817-1819г.г. и 1992г. времени прошло слишком много и понять, почему он перевел зегзицу, как чечетку, нам не дано.

В переложении Н.Заболоцкого исполненном в 1938-1946г.г., зегзица уже кукушка:

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
"Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь". 8

Любопытен перевод плача Ярославны нашего современника, поэта Игоря Шкляревского:

А уже и на Дунае Ярославлин голос слышится.
Зегзицею незнаемой кукует рано:
"Полечу далеко по Дунаю,
долечу до реки до Каялы,
омочу в ней рукав свой белый,
оботру князю кровавые раны
на теле его несчастном". [9]

Он, видимо, сердцем поэта и мужчины понял несоответствие образа Ярославны с кукушкой и оставил слово зегзица непереведенным.

В переложении А.Н. Майкова Ярославна – ласточка:

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поутру
Раним-рано ласточкой щебечет:
"По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрян рукав в Каяле,
Оботру кровавые раны князю
На белом его могучем теле !.." [10]

Эмоциональное восприятие ласточки, особенно в сочетании со словом щебечет, намного сильнее, чем кукушка, но, справедливости ради, стоит возразить, что в народных говорах под похожим на зегзицу словом подразумевается черный стриж, а не ласточка.

А вот у В.И. Стеллецкого опять кукушка:

На Дунае Ярославнин голос слышится,
безвестною кукушкой рано кличет:
" Полечу, – молвит, – кукушкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
отру князю кровавые его раны на могучем его теле". [11]

Знаменитый композитор, человек огромной души Ф.Н. Глинка ос-

тавил слово зегзица непереведенной:

Ярославнин голос слышится
На стене Путивля - города.
"Полечу я, - говорит она,-
По реке Дунаю зегзицей,
Омочу рукав бобровый мой
Во струях Каялы быстрым,
Раны оботру кровавые
Я на теле друга милого !" 12

А.А. Прокофьев, не менее известный композитор, чем Ф.Н. Глинка в, одном из лучших на эту тему, стихотворений, к великому огорчению, перевел зегзицу, как кукушку:

Копья свищут на Дунае,
А Ярославна на ветру
Что кукушка, что лесная
В Путивле плачет поутру:
"Я кукушкою печальной
По Дунаю полечу,
И в реке Каяле дальней
Я рукав свой омочу.
Там, где бой начнется снова,
Встречу князя поутру,
Руковом его бобровым
Кровь с жестоких ран сотру". 13

Как видно из вышеприведенных примеров, однозначного ответа, что хотел донести до слушателей автор "Слова о полку Игореве", сравнив Ярославну с зегзицей - нет. Но, наверное, никто не станет возражать, если мы зададим вопрос: - Знал ли автор Ярославну, или хотя бы один раз ее видел ? - и тут же дадим ответ: - Да, он должен был ее знать. Знать в том смысле, сколько ей лет, как она

выглядит, как разговаривает, ее привычки. Д.С. Лихачев писал:

"-Близость "Слова" к плачам особенно сильна в плаче Ярославны. Автор "Слова" как бы цитирует плач Ярославны – приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать." [14]

Даже, если допустить, что автор "Слова о полку Игореве" ни разу ее не видел, то, сочиняя плач Ярославны, он должен был у кого-нибудь, кто хорошо знал Ярославну, попросить обрисовать ее. Без этого невозможно писателю, когда бы он ни жил, сейчас, или восемьсот лет назад, передать внутреннее переживание, не выдуманного образа, а живого человека.

В "Слове о полку Игореве" внешнего описания Ярославны нет. Поэтому, возможно, она и получилась такая обобщенная; такой она и вошла в учебные пособия по истории древней литературы. В.В. Кусков писал:

" Значительной художественной победой автора "Слова" является созданный им обаятельный образ русской женщины – верной подруги своего мужа, Ярославны. В ее образе обобщены лучшие черты характера древнерусской женщины. Автору чужд религиозно-аскетический взгляд на женщину. Нет, женщина не "сосуд дьявола", не источник всех бед и несчастий мужчины, как учила церковь, а верная и преданная помощница, горячо любящая своего "ладу" и силой своей любви помогающая ему вернуться из плена. В своем лирическом плаче-заклинании Ярославна обращает думы свои не только к мужу, но и к его воинам. Ее скорбь о поражении Игоря – это скорбь всех жен и матерей русских, обобщенных в едином образе, прекрасном и величественном ! " [15]

Но был же конкретный человек, чей образ через века донес до нас автор "Слова о полку Игореве" и хотелось бы знать, как она выглядит; не абстрактно, и пускай не так, как описана в романе Льва Толстого прелестная Наташа, но хотя бы, пусть силой своего воображения, но

попытаться воссоздать тот далекий, но столь дорогой для всех нас образ плачущей Ярославны. Многие поколения читателей, а их за двести лет, прошедших с момента находки графом Алексеем Ивановичем Мусин-Пушкиным рукописи "Слова о полку Игореве" были сотни и сотни тысяч, пытались увидеть конкретный образ, но он все-время расплывался и не давался в руки никому. Внутреннее состояние человека, который бессилен увидеть за простыми строками живого человека прекрасно передал в своих стихах К.К. Случевский еще в 1902г.

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией - нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.
Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным - давно;
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не все, не все схоронено.
Но это вздор, обманное созданье !
Слова - не плоть... Из рифм одежд не ткать !
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них так же сил на то, чтоб убивать...
Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.
Сгони ее ! Довольно ей пророчить !
Уйми все песни, все ! Вели им замолчать !
К чему они ? Чтобы людей морочить
И нас - то здесь, то там - тревожить и смущать!
Смерть песне, смерть ! Пускай не существует !...
Вздор рифмы, вздор стихи ! Нелепости оне !...

А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене... [16]

Расплывчатость образа Ярославны вызвана еще и тем, что мы о ней знаем до обидного мало. Мы не можем даже с полной уверенностью сказать, был ли князь Игорь женат один раз, или два. А это очень важно. Если Ярославна-вторая жена князя Игоря, то она молоденькая девушка, а если князь Игорь был женат всего один раз, то Ярославна уже в годах, где-то ровестница тридцатичетырехлетнего князя Игоря, у нее уже, как отмечено в летописях, пятеро сыновей, вполне возможно и наличие дочерей, рождение которых летописцы не отмечали. Приходится учитывать и тот факт, что в XII веке средняя продолжительность жизни была чуть выше сорока лет. Так что по современным меркам Ярославна солидная женщина, отягощенная думами о хозяйстве, заботой о детях и прочими житейскими проблемами. Вряд ли такая женщина соответствует образу Ярославны, описанной в " Истории Российской" В.Н. Татищевым:

" И не доехав меньше полудница верст за 20, спотκнулся конь под Игорем и ногу ему так повредил, что он не мог на коня сесть, принужден в селе святого Михаила остановиться ночевать.

В тот час прибежал в Новград крестьянин того села и сказал княгине, что Игорь приехал.

И хотя долго тому не верили, но княгиня, не могши более терпеть, тотчас всеедши на кони, поехала к нему.

Граждане, слыша то, все обрадовались и за княгинею поехали. Множество же, не имея близко коней, пеши пошли.

Княгиня пришед, так друг другу обрадовались, что обнявся плакали и говорить от радости и слез ничего не могли и едва могли престать от слез." [17]

В данном рассказе как раз и заметен порыв молодости, его нетерпение и слезы радости при встрече с любимым.

Правда, некоторые исследователи ставять под сомнение достовер-

ность сведений "Истории" Татищева, утверждая, что раз до нас не дошли те летописи, из которых Татищев брал сведения, то вполне вероятно, что он мог чего-нибудь и добавить от себя, вроде бы как бы домыслив тот или иной эпизод. Мы сейчас не будем разбирать все творчество В.Н.Татищева, а просто отметим, возможно, что кое-где, кое-что Татищев и домысливал, но приведенный нами отрывок из его "Истории" Татищев додумать не мог, так как для этого надо быть писателем, плохим, или хорошим, но обязательно писателем, а Татищев им не был, он был Историком.

К тому же имеется ряд научных работ, подтверждающих, что наиболее полно и точно события 1185г. отмечены именно в "Истории" Татищева. В одной из научных работ Б.И. Яценко писал:

" Схема научного поиска, предложенная Д.С. Лихачевым, определяет направление и характер изучения литературных памятников о походе 1185г. - переяславской, черниговской, киевской повестей, а так же "Слова о полку Игореве".

Литературные памятники о походе 1185г. объединяет общий ход событий: выход в поход, победа в первом бою, защитные меры Святослава Киевского, раны Владимира Переяславского, бегство Игоря и возвращение на Русь. Повести следуют одному образцу. Мы считаем, что таким образцом была переяславская повесть. Видимо, черниговская повесть следовала тому же сюжету и той же композиции, отразив факты из переяславской повести и сама отразившись в других памятниках. Поэтому к реконструкции черниговской повести необходимо привлечь все известные источники о походе 1185г, а именно: повести из Лаврентьевской, Ипатьевской /варианты из Хлебниковской, Ермолаевской/ летописей, Густинской летописи, "Кройники о Руси" Феодосия Софоновича, Киевской летописи ХУ111в., первой и второй редакции " Истории Российской" В.Н. Татищева, " Слово о полку Игореве". Информация,

которая повторяется во всех повестях и "Слове" может быть также остовом черниговской повести."[18]

Сделав сравнительный анализ, Б.И. Яценко пришел к выводу, что: " Анализ фактического материала известных повестей о походе 1185г. позволил установить, что наибольшее количество оригинальных фактов имеется в Густинской летописи, "Кройнике о Руси" Феодосия Софоновича и особенно во второй редакции "Истории Российской" В.Н. Татищева /Т-2/, которая сохраняет черты протографа этих памятников."[19]

Так что доверять В.Н. Татищеву, хотя бы в части сведений, близлежащих к событиям 1185г., мы имеем полное право.

В.Л. Виноградова в словаре-справочнике "Слова о полку Игореве" приводит отрывки из работ исследователей, в одном из которых тоже делается ссылка на труд В.Н. Татищева:

" А.В. Соловьев / восемь заметок к "Слову о полку Игореве". 4. Рекъ Боянъ и ходына. - ТОДРЛ. т. XX. М.-Л.,1964 стр. 378-379/ пишет: " Итак, поскольку у князя Игоря было пятеро сыновей, родившихся от 1170г. до 1180г., Ярославна была бы им мачехой, второй женой князя Игоря. Это предположение повторяется у многих комментаторов... Летописи ничего не говорят ни о первом, ни о втором браке князя Игоря, ни о смерти его жен: они вообще невнимательны к княгиням. Имя Евфросинии как жены князя Игоря находится только в драгоценном Любечском синодике, опубликованном в 1884г. / Р.В. Зотов. О черниговских князьях по Любечскому синодику. М. 1884г. с. 270, - прим. А.В. Соловьева./ В "Синодике" имя Евфросинии носит жена черниговского князя Феодосия, названного преемником Ярослава Всеволодовича на черниговском престоле, а Игорь /Георгий/ Святославич вообще не упомянут,- В.В./ В летописях его нет. Однако оно находится уже в "Родословнике князей великих и удельных рода Рюрика" Екатерины 11, напечатанном в 1793г. ... Мусин-Пушкин уже в издании "Поучения Владимира Мономаха" ссылается на "Родословник" Екатерины 11. Ясно, что он пользовался им

и для примечаний к "Слову" и из него взял имя Евфросинии и утверждение о втором браке Игоря. По нашему мнению, известие о втором браке объясняется невнимательным чтением "Истории" Татищева, которой Екатерина 11 широко пользовалась в своих "Записках по русской истории"... Екатерина 11 отметила, что под 1184г. Владимир /Галицкий, - В.В./ назван шурином Игоря, но сделала из этого неверный вывод, что свадьба была в этом году". с.380. " Надо полагать, что Игорь женился на дочери Ярослава Осмомысла в 1169г. восемнадцати лет от роду, а может быть и немного раньше. Все сыновья Игоря были и сыновьями Евфросинии, поэтому они позднее стали галицкими князьями. " В.П. Адрианова-Перетц. / "Слово о полку Игореве и памятники рус. литературы Х1-Х11 в. Л. 1968г. стр. 97-98/.[20]

Более подробно о Любечском Синодике касательно князя Игоря и его жены Ярославны пишет страстный почитатель " Слова о полку Игореве" писатель В.А. Чивилихин:

" Отсутствие в Любечском синодике Владимира Мономаха, его отца Всеволода Ярославича, а так же Бориса Вячеславича, сына смоленского князя Вячеслава Ярославича, сидевших на черниговском столе в последней четверти Х1в, объясняется просто- составители синодика справедливо считали законными владетелями Чернигова только потомков Святослава Ярославича, четвертого сына Ярослава Мудрого. Но почему в этом драгоценнейшем историческом документе не назван по имени князь Игорь ? Загадка ! Читаю список в том месте, где должен значиться Игорь Святославич. Синодик упоминает " Великого князя Ярослава черниговского, в иноцех Василия, и княгиню его Ирину". Как известно, Ярослав Всеволодович княжил в Чернигове с 1177 по 1198 год. Назван по именам и отчеству великий князь Всеволод-Даниил Святослав/ич/ черниговский /Чермный/ и княгиня его Анастасия. Этот князь впервые занял черниговский стол в 1204 году.

Как мы знаем, с 1198 по 1202 год великим черниговским князем

был Игорь Святославич, однако Любечский синодик между Ярославом Всеволодовичем и его племянником Всеволодом Святославичем помещает некоего "Великого князя Феодосия Черниговского...". Но в Чернигове никогда не сидел князь Феодосий, и вообще на Руси среди сотен удельных и великих князей не было князя, носившего такое имя ! Если Игорь Святославич не назван в синодике, то это чрезвычайно показательно, только я предполагаю, что под псевдонимом "Феодосий" - это имя самого досточтимого святого русской церкви - записан в поминальник Игорь ! Допускаю, что он, будучи автором полуязыческого "Слова", "покаялся" перед смертью в своих "грехах", принял схиму и в синодике значится его монашеское имя.

И еще очень важное. В Любечском синодике есть продолжение поминальной записи о загадочном великом князе черниговском Феодосии - в ту же строку местные священники записали " и княгиню его"Евфросинью." Не Ярославна ли это "Слова", мать всех детей Игоря ?

Под именем Евфросиньи Ярославны супруга Игоря проходит во всем современном "Слово"-ведении. Ее впервые назвала Екатерина 11 в своих "Записках касательно российской истории", но источник этого сведения нам неизвестен, как и источник первоиздателей "Слова", также назвавших жену Игоря Евфросинией. Не исключено, что Екатерина 11, наверняка не знакомая с Любечским синодиком, который был обнаружен в крохотной провинциальной церкви сто лет спустя после ее "Записок", знала какой-то не сохранившийся летописный манускрипт." 21.

Прежде чем попытаться разобраться, был ли у Екатерины 11 какой-то не дошедший до нас летописный документ, откуда она и взяла сведения о втором браке князя Игоря, или действительно ошиблась, неправильно истолковав запись из "Истории" Татищева за 1184г., хотелось бы хоть вкратце ознакомится с событиями того времени, происходящими в Галицком княжестве. Как нам известно, Ярославна родилась там, выросла, там ее отец, мать, братья, возможно и сестры, а это уже не-

маловажно в нашей попытке разобраться в человеке, жившем восемьсот лет назад. Б.А.Рыбаков о времени княжения отца Ярославны писал:

" Расцвет Галицкого княжества связан с воспетым в "Слове" Ярославом Осмомыслом /1153-1187гг./, сыном Владимира Володаревича, двоюродным братом Ивана Берладника.

Знакомимся мы с ним в летописи при следующих обстоятельствах: киевский князь Изяслав Мстиславич, много воевавший с Владимиром Володаревичем и с помощью венгерского короля победивший его в 1152г., прислал в Галич в начале 1153г. своего боярина Петра Бориславича /являвшегося, по-видимому, автором княжеской летописи/. Посол напомнил князю Владимиру о некоторых его обещаниях, скрепленных обрядом целования креста. Издеваясь над послом, галицкий князь спрашивал: " Что, этот маленький крестик я целовал?"- и, в конце концов, выгнал киевского боярича и его свиту: " Досыти есте молвили, а ныне - полези вон ! " Посол оставил князю крестоцеловальные грамоты и на некормленных конях выехал из города. Новая война была объявлена. Снова должны были скакать на Галич королевские полки с запада, киевские - с востока, а волынские - с севера, снова галицкий князь должен быть слать гонцов на другой конец Руси за помощью к Юрию Долгорукому, своему свату и давнему союзнику. Но гонец поскакал по киевской дороге и вернул с пути Петра Бориславича. В Галиче навстречу послу из дворца спустились слуги в черных одеждах; на "златокованом столе" сидел молодой княжич в черной мантии и черном клобуке, а рыцарский караул стоял у гроба старого князя Владимира Володаревича.

Ярослав поспешил загладить неосторожную заносчивость отца и изъявил полную покорность великому князю: " Прими мя, яко сына своего Мстислава. Ать ездить Мстислав подле твой стремень ездю всими своими полкы". С таким образом признанием феодальной зависимости Ярослав отпустил посла,"но иное мысли в сердце своем",

добавляет летопись. И уже в том же году война состоялась. Князь Ярослав в бою не участвовал, бояре сказали ему: " Ты еси молод... а поеди, княже, к городу". Вероятно, боярство просто не очень доверяло князю, который незадолго перед этим клялся в верности Киеву. Не так уж юн был в это время Ярослав Осмомысл - за три года до битвы он женился на дочери Юрия Долгорукова Ольге. Боярство и в дальнейшем энергично вмешивалось в княжеские дела. 1159г., когда не был завершен еще конфликт из-за Ивана Берладника, галичане упорно продолжали высказывать симпатии дунайскому удальцу и обратились к его покровителю, киевскому князю Изяславу Давыдовичу, с предложением пойти на их родной город походом: "Только явишь стяги и мы отступим от Ярослава !"

Новый конфликт между Ярославом и боярством возник в 1173г. Княгиня Ольга с сыном Владимиром бежала от мужа вместе с видными галицкими боярами в Польшу. Владимир Ярославич выпросил у соперника своего отца г. Червен, стратегически удобный и для связей с Польшей, и для наступления на отца. Это тот Владимир Галицкий, забулдыга и бражник, образ которого так красочно воспроизведен в опере Бородина " Князь Игорь". Игорь Святославич был женат на его сестре Евфросинье, дочери Ярослава Осмомысла /"Ярославне"/. Разрыв с отцом был вызван тем, что у Ярослава была любовница Настасья и ее сыну Олегу Ярослав отдавал предпочтение перед законным сыном Владимиром.

Восемь месяцев Ольга Юрьевна и Владимир находились в отъезде, но наконец получили письмо от галицких бояр с просьбой вернуться в Галич и обещанием взять под стражу ее мужа. Обещание было выполнено с лихвой - Ярослав Осмомысл был арестован, его друзья, союзные половцы изрублены, а любовница Настасья сожжена на костре. " Галичане же накладаша огнь, сожгоша ю, а сына ее в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню вправду. И тако уладившеся". Конфликт, кажущийся семейным, был временно улажен таким

своеобразным средневековым способом.

На следующий год Владимир бежал на Волынь, но Ярослав Осмомысл, наняв на 3 тысячи гривен поляков, сжег два волынских города и потребовал выдачи мятежного сына; тот же бежал в Поросье и собирался скрыться в Суздале. Объездив в поисках убежища множество городов, Владимир Галицкий оказался наконец у сестры в Путивле, где проживал несколько лет, пока Игорь не примирил его с отцом. Осенью 1187г. скончался Ярослав Осмомысл, оставив наследником все же не Владимира, а Олега "Настасьича". Тотчас же "бысть мятеж велик в Галицкой земле". Бояре выгнали Олега и дали престол Владимиру, но и этот князь не удовлетворил их.:" Князю Володимеру в Галичкой земле. И бе бо любезнив питию многому и думы не любяшеть с мужами своими". Этим было решено все – если князь пренебрегает боярской думой, если он выходит из воли "смысленых", то он уже тем самым плох, и в летопись о нем вносятся всякие порочащие его детали: и что он много пьет, и что он " поя у попа жену и постави / себе/ жену, и что он в городе, " улюбив жену или чью дочерь, поимашеть насильем". 22

Для сравнения приведем пример, как характерезует князя Игоря Владимир Чивилихин:

" Он исповедовал принципы, провозглашенные в поэме. Поучавствовав, как в а с с а л в довольно мелких усобицах 1180-го / походы на Друцк и Киев/, Игорь Святославич двадцать два года, до конца своих дней, воздерживался от братоубийственных распрей, лишь один раз, в 1196г. в ы н у ж д е н н ы й вместе со всем "Ольговым гнездом", предъявившим свои законные права на великий стол, изготовиться к отпору военной коалиции князей Киева, Смоленска, Владимира и Рязани.

История числит единственное междоусобное сражение, предпринятое Игорем, – в 1184г. он "взял на щит город Глебов у Переяславля". Это зафиксировано в летописной повести о походе Игоря, включено в

покаянную "его" речь, и современные историки вовсю кают Игоря именно за этот поступок, хотя надо бы каять владельца этого города – Владимира Глебовича переяславского, который незадолго перед тем "иде на Северьские городы и взя в них много добыток". Игорь, подчиняясь средневековому рыцарскому кодексу, не мог не ответить на"обиду"; чтобы не потерять уважение к себе со стороны вассалов, бояр, воевод, дружины, да и врагам он обязан был показать силу и спасти свою "честь".[23]

Если предположить, что Ярославна была второй женой князя Игоря, то смена обстановки в 1184г. для молодой девушки была очень существенной. Полный злобы, измен, военных конфликтов, семейных склок и дрязг Галич, и тихий, миролюбивый, наполненный взаимной любовью и уважением ко всем Новгород Северский, представляли в сознании юной девушки два противоположных полюса: добра и зла. И, конечно, добро не могло не вызвать ответного чувства – преданности и любви, что мы и видим в "Слове о полку Игореве".

Была ли Ярославна второй женой князя Игоря – вот что нам и необходимо доказать. Для начала разберем запись Татищева, где брат Ярославны Владимир назван шурином, и которую вроде бы неправильно истолковала Екатерина 11.

" Владимир Ярославич галицкий шурин Игорев, изгнанный от отца, пришел во Владимир к Роману Мстиславичу. Но Роман, боялся отца Владимирова, не дал ему долго у себя быть. Оттуда поехал Владимир к тестю Святославу. Но Святослав прежде учинил Рюрику и Ярославу роту, что его не держать, також отпустил от себя. Потом Владимир пришел в Дорогобуж к зятю своему Игорю и тут пребывал не долго, понеже и тот, боясь тестя, а Владимирова отца, не держал. Оттуда пошел он к Святополку в Туров, но ни тамо мог долго быть, поехал в Смоленск к Давиду, а Давид проводил его в Суздаль к вую его Всеволоду Юриевичу. Несчастный же Владимир ни тамо места себе об-

реши, приехал паки в Путимль к зятю своему Игорю Святославичу. Игорь же принял его с любовью и честию и держал у себя чрез два года и с великим прилежанием чрез князей руских едва его с отцом примирил, изпрося ему во всем просчения, и послал с ним проводить сына своего Святослава. Ярослав, прияв сына Владимира и наказав его словами, дал ему Свиноград, но жить велел в Галиче, да бы он не мог кое зло делать. Святослава же, одарив, с честью отпустил. [24]

Для большей ясности и понимания того, что мы собираемся делать, необходимо дать цитату из научной работы В.В. Кускова:

" Генеалогическая точка зрения широко представлена и в летописи, где подчеркивается неразрывная связь внуков и дедов. Например: " В лето 6529 /1021/ приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь на Новгород" /Там же, С.146/. Или под 6552 /1044/: " В се же лето умре Брячислав, сын Изяславль внук Володимерь, отець Всеславль..." / Там же. С.155/. " В лето 6601 /1093/, индикта 1 лето, преставися великий князь Всеволод, сын Ярославль, внук Володимерь..." / Там же. С.215-216/. Подобных примеров из летописи можно было бы привести довольно много." [25]

Теперь посмотрим, как летописец отмечал родственные связи в записи за 1184г. из "Истории" Татищева.

Владимир Ярославич назван шурином Игоря. Следовательно к моменту внесения в летопись этого рассказа Ярославна была женой князя Игоря.

Роман Мстиславич, будущий князь Галицкий, не был в родстве с Ярославом, поэтому и в рассказе он просто Роман Мстиславич.

Зато киевский князь Святослав назван тестем Владимира. Он действительно-тесть Владимира, и в летописи этому есть подтверждение, где под 1168г. сделана запись, что Ярослав Галицкий женил своего сына Всеволода на дочери Святослава Всеволодовича, тогда еще князя черниговского, Малфриде Болеславне.

Рюрик и Ярослав в родстве не состояли, и в рассказе этого нет.

Далее по тексту Владимир назван зятем Игоря. Мы об этом уже знаем с первых строчек рассказа, но летописец не может отойти от правила и не указать родственную связь, после чего еще дважды повторяет то, что нам и так понятно, назвав Игоря тестем Ярослава, и разьяснив, что это отец Владимира.

Святослав Туровский родством с Ярославом не связан, как и Давид Смоленский, нет этого в рассказе.

Всеволод Юрьевич назван "вую" - дядей Владимира. Он им и был, так как ~~его родной брат~~ Юрий Догорукий, отец матери Владимира и Ярославны, доводился ему родным братом.

Снова, уже в третий раз отмечается родство Игоря Святославича и Владимира. Игорь назван зятем Владимира.

И вот в рассказе появляется новое имя - сын Игоря Святослав. До этой строки мы из рассказа узнаем, что после долгих дипломатических переговоров через других князей, Игорь выпросил у Ярослава прощение Владимиру и отправил его в Галич вместе со своим сыном Святославом. Если придерживаться версии, что Ярославна была единственной женой князя Игоря, то Святослав Игоревич должен быть внуком Ярослава. Как отмечено в летописи Святослав родился в 1177г., следовательно в 1184г. ему было всего лишь 7 лет.

Читаем дальше: " Ярослав, прияв сына Владимира и наказав его словами..." Но Владимир, как мы знаем, приехал к отцу с сыном Игоря Святославом и по логике вещей, если Святослав был внуком Ярослава, то выше приведенная строка была бы чуть иной, например: " Ярослав, прияв сына Владимира и внука Святослава...". Можно, конечно допустить, что летописец в данной строке допустил оплошность, не указав родства Святослава с Ярославом, но он так же не указал родства Святослава и Владимира, хотя Владимир должен был доводиться Святославу дядей. Вряд ли это простó оплошность, так как в этой строке вместо и так понятного " прияв Владимира", летописец ука-

зал " приняв сына Владимира ", дотошно подчеркнув еще одну родственную связь. Но даже, с большой натяжкой, в данной строке можно допустить оплошность летописца, то последняя строка рассказа начисто опровергает родство Святослава Игоревича с Ярославом.

" Святослава же, одарив, с честью отпустил." В данной строке не может быть и речи о какой-то оплошности летописца, так как, если бы Святослав Игоревич был в родстве с Ярославом, то рука летописца волей неволей после ~~-же-~~ дописала бы "внука своего". И о какой чести к семилетнему мальчику может идти речь, если бы он был внуком Ярослава. Внуком можно гордится, можно его любить, но никак о нем нельзя сказать, как о постороннем человеке. Нам понятно, что честь была оказана Ярославом через сына самому Игорю, который примирил Владимира с Ярославом.

Теперь, можно с большой уверенностью сказать, что действительно Екатерина 11 держала в руках какой-то не дошедший до нас летописный материал, откуда и взяла сведения о браке князя Игоря и Ярославны в 1184г. А утверждение о том, что сыновья князя Игоря по праву наследия, так как были внуками Ярослава, заняли позднее галицкий престол, вообще не выдерживает никакой критики.

После смерти Ярослава в 1187г. временно на княжении там были: внебрачный сын Ярослава Олег, затем Владимир Ярославич, недолго княжил в Галиче и Роман Мстиславич, не имеющий вообще никаких прав на это княжество. До 1189г. князем в Галиче был Андрей, сын венгерского короля. С 1189г. и до своей смерти в 1199г. в Галиче княжил опять Владимир Ярославич и то лишь благодаря поддержке германского императора Фридриха Барбароссы и польского короля. Кроме того, попытки завладеть Галичем предпринимали и Святослав Киевский, и сын Берладника Ростислав Иванович. Для последнего такая попытка закончилась довольно печально, в бою под Галичем он был ранен, а затем и умер.

Косвенные доказательства того, что Ярославна была второй женой князя Игоря, а следовательно и молодой девушкой, мы можем найти в самих летописях. Как уже упоминалось, имеются сведения о рождении у князя Игоря первого сына в 1170г., и на этом основании делается вывод, что если и была свадьба Игоря и Ярославны, то она должна была состояться в 1169г. или раньше.

Отец князя Игоря, черниговский князь Святослав Ольгович умер в 1164г.. С 1153г., когда Ярослав Владимирович стал галицким князем, его имя довольно часто упоминается в летописях наряду с отцом князя Игоря, но нигде ни разу не упоминается их родство.

Из этого можно сделать вывод, что если и была свадьба князя Игоря и Ярославны, то она состоялась бы где-то между 1164г. и 1169г. Вряд ли она была вообще, так как под 1168г., как уже говорилось в летописи отмечен брак сына Ярослава на дочери Святослава Всеволодовича. Летописец довольно-таки внимательно следил за жизнью Ярослава, начиная с 1153г. и, если бы это было на самом деле, то обязательно внес бы в летопись такой факт, как свадьба дочери Ярослава.

Но все-таки основным доказательством того, что Ярославна являлась второй женой князя Игоря и была очень молодой, будет толкование самого слова „зегзица".

Будучи в гостях на севере Нижегородской области, шли как-то лесной тропкой. О чем-то говорили, как неожиданно из глубины леса донеслось женское рыдание. Я невольно остановился. Мои сельские спутники, заметив мою растерянность, спокойно пояснили:

" Да кукушленок это. - А увидев, что я ничего не понял, разъяснили, - Кукушечка это молоденькая. Куковать еще как следует не умеет, вот забьется куда-то в чащу, и не найдешь, и пробует, да уж очень на женский плач ее кукование похоже.

Бог ты мой! До чего же мы очерствели душой и сердцем, если

забыли, как рыдают в горе Русские женщины, наши с вами матери, жены, дочери. Как забившись куда-нибудь, чтобы никто их не видел и не слушал, рвут зубами подушки и в кровь искусывают руки и губы.

Читаем у Владимира Чивилихина:

" Вошли большие мужчины, остановились у порога и стали молча смотреть в пол. Мать вскрикнула не своим голосом и повалилась, как подломленная... Помню отца в красном гробу, топкий весенний снег, печальную вереницу людей, винтовочные залпы, горький запах пороха над кладбищем, плачущие крики желтых труб деповского оркестра. А летом, когда мама уходила искать нашу корову Пеструху и ее не было до сумерек, я бежал на кладбище и находил маму распростертой на могильном холмике, где стояла красная деревянная тумбочка с железной звездой наверху. Мама тихо голосила в землю, вцепившись пальцами в траву. [28]

Не кукушка Ярославна, а кукушечка, юное создание, безумно влюбленное в своего "ладу". Поэтому все в ней искренне и так понятно, как может быть ясной первая любовь. Нам трудно это понять, еще тяжелее осознать, может быть, лишь потому, что нам десятилетиями вбивали в голову, что любовь молодой девушки к взрослому мужчине-это ненормальное явление, отклонение в психике, извращение и бог его знает еще чего, чем нам не засоряли мозги. Жизнь-то она совсем иная и не спрашивает, кого надо и можно любить, она любит того, кого хочет.

Влюбляются дочери наши
В сверстников моих друзей.
Тайно от жен встречаются-
Души не жалея своей.
Маются в неизвестности -
Вот и замуж пора.
И остаются в вечности
Тоскующие глаза.

Не такая ты, Ярославна:
На коня вскочив босиком -
Подняла ты весь город на ноги,
Узнав, что вернулся он.
Сколько тоски и ласки,
Слез и забытых фраз
Ты воскресила СЛОВОМ,
Чудом дожившим до нас.
Прихожу я к дочери,
В круг ее добрых друзей,
И вижу, как дрогнули губы
Юной знакомой моей.
Нет, не хочу я тайно.
Лучше уж холод в мой дом.
Вот если бы, как Ярославна:
В века.
На коне.
Босиком.

О том, что Ярославна-молодая девушка, невольно догадывались и чувствовали многие исследователи и, особенно, поэты. У Д.С. Лихачева читаем:

" И одновременно с этим сочувственным пониманием удали воинов автор "Слова" с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря - Ярославны, плачущей по своем муже. Нежность Ярославны и суровость воинов доступны и близки ему в равной мере. [27]

Кавалерова Н.А. в научной статье " Отражение педагогических идей Киевской Руси в "Слове о полку Игореве", пишет:

" Не вызывает сомнения, что, наделяя свою героиню таким высоким поэтическим даром, глубиной чувств, способностью сопереживать боль других, осознавая важность событий, автор стремился предста-

вить Ярославну женщиной незаурядного ума. И хотя в " Слове " нет прямого упоминания об образованности Ярославны, можно предположить, что она принадлежала к плеяде образованных женщин Киевской Руси. Известен исторический факт, что женой Игоря была юная дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла Евфросинья и что для части женщин привилегированной княжеской верхушки свойственно было стремление к образованию. Еще задолго до написания "Слова" в Киеве при Андреевском монастыре дочерью киевского князя Всеволода Ярославича Анкой /Янкой/ было открыто первое в Европе женское училище, которым она руководила на протяжении 26 лет. Слава о культурно- просветительской и дипломатической деятельности русских княгинь распространялась и за пределами Киевской Руси. Одной из них, например, посвятил свою поэму выдающийся азербайджанский поэт Х11 в. Низами:

...В одеянии румейском, прелести полна,
Насринуш идет за нею - русская княжна...
Не улыбкой сладкой только и красой она,
Нет, - она в любой науке столь была сильна,
Столь искушена, что в мире книги ни одной
Не осталось не прочтенной девой молодой. " 28

Особенно сильны по восприятию и пониманию образа Ярославны стихи нашего известного поэта В.Я. Брюсова:

" Стародавней Ярославне тихий ропот струн:
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто Слово спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел ?
Или русских женщин лики все в тебе слиты ?
Ты - Наташа, ты - и Лиза, и Татьяна - ты !
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска !
И, крутясь, уносит слезы песнь певца - в века !
1912г. 29

Перевод слова "зегзица", как "кукушечка" подтверждается и правилами правописания древнерусского языка XI-XIV вв. Окончание на -ца- в существительных придает слову уменьшенное значение по сравнению с чем-то большим. Например:

" ЗЕМЛИЦ/А /2/,-Ѣ/-А/ с. Уменш. к земля в 3 знач: Се азъ харламъ мортка далъ есмь в домъ преч/с/тыя бци, старцю Кирилоу свою пожепкоу и свою землицю оу Ѣзовища... а далъ есмь и докладницю почьмоу есмь тоу поженкоу и тоу землицю роздѣлалъ. Гр. 1397-1427 / 2,белозер./ [30]

" ЗВОНЬЦ/Ѣ /1/, - А с. Колокольчик: фарисѣи... и образы самовольные службы въ одежи имѣють въ свитахъ же и въ плащи/х/, имъ же і расширание пазухамъ. иже есть знамение багран/ци и подолци ризамъ, и яко звонци вощани на краихъ свитъ, си же такова бяху имъ знамѣния. /ё σιον.../ КР 1284, 361б." [31]

" ДѢЛЬНИЦ/А /1/, - Ѣ /-А/ с. Доля, выдел: а приходьши предъ наше обличье, и передъ земляны, панъ вольчко... и с пани ходьковою женою, и сь ее дѣтьми, и зятемь ее клюсомъ. пожеднались. о села вытка. о дѣлницю. ш/т/дѣлници вольчка ш/т/ себе. Гр. 1393 / 4, ю.-р/. [32]

" ЖРЕБИЦ/А /1/,-Ѣ /-А/ с. Жен. к жребѣць / жеребец/: яко вельблудъ. да-а тщанье по движенью в печали мѣсто ломиши/с/ яко конь на жребицю неистовуеся на дивную и не на дивну. /θηλυμανῶν / ФСт XIV, 179г." [33]

Таких примеров употребления -ца- можно привести множество. В нашем же случае слово зегзица, как уменьшительное к взрослой птице кукушке, можно было бы подобрать зегула. Да и в приведенном примере из посл. Дан. Заточ. " Уподоблюся зегзицы, иже едину поеть пѣснь, того ради ненавидима бываеть" [34] неясно, то ли о взрослой птице с ее монотонным кукованием идет речь, то ли автор желал бы уподобиться молодой кукушечке, чья песнь похожа на жен-

ское рыдание. Вернее всего, второе, так как монотонное женское рыдание способно вывести из себя кого угодно.

Обобщая материалы, упомянутые в настоящей статье, можно прийти к выводу, что Ярославна была молодой девушкой, а следовательно и второй женой князя Игоря. Ссылка на то, что Екатерина 11 ошиблась, неправильно истолковав рассказ из "Истории" В.Н. Татищева, отметив брак между князем Игорем и Ярославной 1184 годом, выглядит весьма неубедительно, да и некорректно по отношению к уму, таланту и той эрудиции, какой в полной мере обладала Екатерина 11.

Наоборот, при внимательном анализе рассказа из " Истории" В.Н. Татищева, напрашивается вывод, что семилетний сын Игоря Святослав не состоял в родстве с галицким князем Ярославом, и, естественно, не мог быть сыном Ярославны.

Любечский синодик, где Евфросиния, как не трудно понять, названа женой князя Игоря, был опубликован в 1884г., а Екатерина II, незнакомая с этим документом, назвала Евфросинию женой князя Игоря еще в 1793г., отметив и год их бракосочетания как 1184. Из этого можно сделать вывод, что Екатерина 11 пользовалась в своей работе по Составлению " Родословника князей великих и удельных рода Рюрика", каким-то не дошедшим до нас летописным документом.

Косвенным доказательством того, что Ярославна была второй женой князя Игоря, служат и сами летописи, где между 1164г. и 1170г. нет сведений о свадьбе Игоря на дочери Ярослава, хотя под 1168г. отмечен брак сына Ярослава на дочери, тогда еще черниговского князя Святослава Всеволодовича.

Перевод слова "зегзица", как "кукушечка", то же подтверждает версию о том, что Ярославна была второй женой князя Игоря.

Слабой стороной предложенного перевода слова зегзица является то, что у нас нет твердых оснований считать Ярославну молодой девушкой и второй женой князя Игоря.

А положительным качеством будет то, что исчезает расплывчитость образа Ярославны. Она обретает конкретные черты живого человека, что дает возможность, как бы перебросить незримый мостик в XII век, и ощутить всю прелесть тех чувств и эмоций, забытых фраз и искренней любви, что с такой убедительной силой, тактом и огромным талантом донес до нас автор " Слова о полку Игореве".

Прежде, чем дать новый перевод плача Ярославны, необходимо сказать, что дословный перевод слова кычет – рыдает; из нескольких переводов слова "незнаем", вернее, будет – незаметный, а спор, как перевести слово жестоцѣмъ – то ли жаркий, разгоряченный, то ли – сильный по отношению к мужскому телу, в свете того, что это произносит молодая девушка, жена князя Игоря, необходимо отдать предпочтение слову сильный.

Предложенный перевод:

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушечкой незаметной рано рыдает.
"Полечу, – говорит, – кукушечкой
по Дунаю, омочу шелковый рукав
в Каяле – реке, оботру князю кровавые
его раны на сильном его теле.

Литература:

1. Г.В. Сумаруков "Кто есть кто в "Слове о полку Игореве" Изд. Московского университета 1983г. С.40.
2. В.Л. Виноградова Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" Л.Наука. 1965г. вып.2. С. 121.
3. А.С. Пушкин. Пол.собр. соч. в 10 т.,т.7.М.Л.1951г. С. 503.
4. Текст дается по факсимильному воспроизведению первого издания " Слова о полку Игореве" 1800г. С.38.
5. Там же. С. 39.
6. В.Л. Виноградова. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" А.Н. СССР 1984г. Вып.6. С. 219.
7. Первое изд. "Слова о полку Игореве" 1800г. С. 37-38.
8. В.А. Жуковский в книге "Слово о полку Игореве" М. Худ. лит. 1987г. С. 129.
8[а] Н.А. Заболотский. Там же. С. 156.
9. И.И. Шклиревский. Читаю "Слово о полку..."М.Прос. 1991.С. 65.

10. А.Н. Майков. Злато Слово. М.Мол.гвард. 1986г. С. 108.
11. В.И. Стеллецкий. Там же. С. 123.
12. Ф.Н. Глинка. "Слово о полку Игореве" М.Худ.лит. С.275. 1986г.
13. А.А. Прокофьев. Там же. С. 280.
14. Д.С. Лихачев. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. Л.Худ. лит. 1985г. С. 21.
15. В.В. Кусков История древнерусской литературы.М.В.Ш.1989г.С.104.
16. К.К. Случевский. "Слово о полку Игореве" М.Худ.лит.1986г. С.295.
17. В.Н. Татищев История Российская т.3. М.Л.Наука 1964г. С.139г.
18. Б.И. Яценко Исследования "Слова о полку Игореве" Л.Наука 1986г. С.40.
19. Там же. С.56.
20. В.Л. Виноградова Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" А.Н.СССР. 1984г. Вып. 6. С. 198-199.
21. В.А. Чивилихин Память.Ром.газета №4 1985г. С.86г.
22. Б.А. Рыбаков Злато Слово М.Мол.гвард. С. 189-191.
23. В.А. Чивилихин Память. Ром.газета №4 1985г. С. 77.
24. В.Н. Татищев История Российская т.3.М.Л.Наука 1964г. С.133.
25. Б.В. Кусков "Слово о полку Игореве" Комплесные исследования М.Наука. 1988г. С. 69.
26. В.А. Чивилихин Память. Ром. газета № 3 1985г. С. 4.
27. Д.С. Лихачев "Слово о полку Игореве"М.Худ.лит. 1987г. С.11.
28. Н.А. Кавалерова "Слово о полку Игореве" и мировозрение его эпохи. Киев. 1990г. С. 141.
29. В.Я. Брюсов. "Слово о полку Игореве" М.Худ.лит. 1986г. С.299.
30. Словарь древнерусского языка / XI-XIVвв/ Т.111. М. Русский Язык. С. 370.
31. Там же. С. 360.
32. Там же. С. 162.
33. Там же. С. 269.
34. В.Л. Виноградова Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" Л.Наука. 1965г. Вып. 2. С. 121.

Кравченко Александр Сергеевич

603001 г. Нижний Новгород

Нижне-волжская набережная

д. 13 кв. 35.